

РАЗДЕЛ I. НАКАЗАНИЕ КАК МЕРА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И СОВРЕМЕННОЙ ПРАКТИКИ

УДК 94 (47)

DOI: 10.18384/2310-6794-2019-4-9-17

«ОСОБЫЕ» ТЮРЬМЫ ДЛЯ ЗНАТИ В РОССИИ XVII ВЕКА?

Беляков А. В.

*Институт российской истории Российской академии наук
117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, Российская Федерация*

Аннотация. История тюрем Московского государства допетровского периода до настоящего времени остаётся недостаточно изученной. Новизна исследования заключается в том, что в данной статье на основании впервые вводимых в научный оборот архивных данных проводится анализ свидетельств о содержании под стражей представителей знати, тюркской по преимуществу. Автор использовал исторический подход, методы анализа и компаративистики при изучении темы. Результаты исследования могут быть использованы не только в учебном процессе в вузах, но и законодателями при выработке новых подходов по совершенствованию норм права. Полученные данные позволяют предположить, что в рассматриваемое время существовали особые тюрьмы для лиц, которых по разным причинам нельзя было содержать вместе с обычными заключёнными. Автор приходит к выводу о существовании сословной организации тюремного дела в России.

Ключевые слова: Московское государство XVII в., тюрьма, тюркская знать, места заключения

«SPECIAL» PRISONS FOR NOBILITY IN 17TH CENTURY RUSSIA?

A. Belyakov

*The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
19, Dmitrija Uljanova ul., Moscow, 117292, Russian Federation*

Abstract. The history of prisons in Muscovy has not been sufficiently studied. On the basis of newly-discovered archival data, this article analyses the evidence of detention of the representatives of Turkic nobility in Russian prisons. The author used analytical and comparative

methods of investigation. The results of the research could be used both in teaching and law-making procedures. The data obtained suggest that at the time under consideration there were special prisons for those who, for various reasons, could not be held together with ordinary prisoners. This raises a question of the class approach to the organization of prisons in Russia.

Keywords: Muscovy of the 17th century, prison, Turkic nobility, places of detention.

История тюрем в России эпохи Средних веков и раннего Нового времени недостаточно изучена. Это касается и проблемы классификации лишения свободы. В данной статье мы проанализируем имеющуюся в нашем распоряжении информацию о тюрьмах для целого ряда категорий населения Московского государства XVI–XVII вв. В первую очередь это, конечно же, представители верхушки служилых людей (от дворян по московскому списку до бояр). Сюда же следует отнести знатных иноземцев – татарских царей и царевичей (Чингисидов), ногайских князей и мирз (детей и внуков биев Большой и Малой Ногайских Орд). Кстати, именно по этой категории заключённых сохранилось наибольшее количество сведений об особенностях организации мест лишения свободы. Но к ним примыкает и более обширная группа заключённых: военнопленные (в первую очередь знатные), в т. ч. носители конфиденциальной информации, и иные лица, которых содержать в общих тюрьмах было невозможно по целому ряду причин: 1) боязнь за жизнь и здоровье заключённого; 2) иноземное происхождение и, как следствие, незнание русского языка, а также бытовые особенности, накладываемые религиозными предписаниями (например, у мусульман); 3) определённые виды правительства на этих людей или же на лиц, с ними непосредственно связанных.

Приведём несколько примеров подобных заключённых. Т. к. автор по преимуществу занимается историей инкорпорации тюркской знати в состав московских элит, в выборку попали в основном данные, связанные с лишением свободы этой категории населения страны. Однако, как показывает практика, данные правила могли распространяться и на православные элиты.

Местничество было более чем заметным явлением в истории России XVI–XVII вв. Эта система замещения должностей и служебного функционирования высших рангов служилых людей была призвана защитить честь не одного человека, а целого рода. Поэтому местнические споры возникали с завидной регулярностью. Как одно из типичных наказаний за неподчинение царскому указу по местническому спору, «чинитца силён», применялось тюремное заключение «на сколько доведётца»¹. Как правило, подобные заключения продолжались до недели. Но трудно представить картину, при которой боярин содержался бы в обычной тюрьме вместе с остальными колодниками. То же самое относится к городovým воеводам, которых за неисполнение указов государя также предписывалось подвергать подобному наказанию: «И по прежней государеве грамоте Ивашка Воейкова

¹ Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. Спб., 1906. С. 44.

посадить в тюрьму на неделю за то, что его, государевы, грамоты не послушал, править на себе государева запасу не велел»¹. Подобные наказания в первую очередь рассчитывались на публичность. Рядовое население города должно было видеть, как этих лиц ведут к месту исполнения наказания, и осознавать неизбежность расплаты за совершённые (или несовершённые) деяния вне зависимости от статуса человека. Поэтому место лишения свободы должно было находиться в публичном месте. Иначе смысл непродолжительного ограничения свободы терялся. При этом само по себе заключение не было тяжким наказанием. Подобных лиц нельзя было содержать в обычных тюрьмах из-за опасения за их жизнь и здоровье. Среди заключённых всегда могли найтись лица, готовые совершить противоправные действия против сильного мира сего, тем более если они оказались с ним в одном помещении.

Дивей б. Хасан возглавлял ногайские племенные объединения Крымского ханства и обладал высоким влиянием при дворе хана Девлет-Герея. 30 июля 1572 г. пленён русскими войсками в битве при Молодях. В августе этого же года Дивей был привезён в Новгород и дан «на бережение» князю Б. Д. Тулупову. Формулировка «на бережение» может быть интерпретирована как содержание «за приставы» или «за сторожи», что не является лишением свободы в отдельной тюрьме специальной постройки, но с высокой долей вероятности можно говорить о специальном укреплении усадьбы

кн. Тулупова. После многочисленных просьб об обмене мирзы русская сторона заявила о его смерти около 1575 г. [7, с. 325–326].

Есть и иные примеры, когда тюрьмы и укрепленные усадьбы использовались как места содержания статусных заключённых. Так, «лета 7049-го (1540 г.) декабря в 20 день, на память Петра чудотворца, князь великий Иван Васильевич всеа Руси, приговоря со отцом своим с митрополитом Иасафом и з бояры, велел княж Ондрееву Ивановича княгиню и сына её Володимера Андреевича из нятства выпустити. А сидели в городе в старом на Шемячичевском на Берсеневском дворе отынени у Офонася у Великого. И перевёл её и сына её князя Володимера на княж Ондреевской двор... Того же дни велел князь великий в Переславле из тюрьмы, ис тына, выпустити княж Андреева сына углецкого князя Дмитрея. А сидел пойман 49 лет и 4 месяцы, а пойман 7 лет. И жил в Переславле на том же своём дворе в тыне. А дети боярские у него на береженье и стряпчие всякие были ему даны, и ключники, и сытники, и повары, и конюхи великого князя»². Таким образом, в тюрьму при желании превращался и большой двор, на котором можно было жить вполне комфортно.

В рассматриваемом периоде была детально проработана система тюремного заключения татарских царей и царевичей. Однако фактический материал по организации заключения имеется исключительно по XVII в. – описание устройства особых тюрем

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Кн. 2. Л. 166 об.

² Полное собрание русских летописей. Т. XXXIV: Посниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М., 1978. С. 26.

и быта заключённых. В архивах можно проследить историю содержания знатных военнопленных: внуков хана Кучумы царевичей Хансюера б. Али, Аблая (Аблай-Гирей) б. Ишима и Тявки (Тауке, Таввкаул) б. Ишина, а также сына Аблая царевича Хансюера [1].

Для подобных людей обычные городские тюрьмы не подходили. Поэтому строились особые избы «по тюремному». В указных грамотах практически нет их описаний. Однако случайные упоминания позволяют в целом восстановить их облик: «А тюрьма крепостью изба в тыну трёх сажен, а в ней четыре окна зделаны, по тюремному о дву мостах, и побиты окна железом толстым накрест, а с надворья запирают железною цепью, а тын вверх трёх сажен, и на тын положен охлопок и прибит гвоздми»¹. Это были отдельно стоящие избы, срубленные в два бревна (хотя данное требование, вполне возможно, соблюдалось не всегда) и имевшие размеры 3 × 3 сажени (ок. 6 × 6 м). Полы, как и стены, также дополнительно укреплялись, строились «о двух мостах». Это подразумевало укладку пола из расщеплённых надвое брёвен в два слоя, при этом верхний и нижний слои были повернуты друг к другу на 90 градусов. Конструкции потолка также, по видимому, подвергались усилению. Окна обивались кованым железом крест-накрест. Внутри здание делилось как минимум на два помещения. В первом сидел заключённый. Второе предназначалось для назначенных к тюрьме приставов. Здесь же находилась топка печи. По-видимому, в этом же помещении готовили еду и хранили

запасы провизии и питья. В обязанности приставов входили не только охрана и кормление заключённых, но и их «развлечение». Они должны были следить не только за тем, чтобы заключённые «дурна над собой не сделали», но и чтобы им «сидеть было не скучно»². Известны примеры, когда отчаявшиеся получить свободу заключённые таких тюрем накладывали на себя руки (вешались)³.

Избу окружал шестиметровый забор (тын), построенный из вкопанных в землю брёвен, укреплённых для большей прочности между собой пазами. Сверху на бревна был положен прибитый гвоздями «охлопок». По-видимому, это был жёлоб, сделанный из крупного дерева, задачей которого в перевёрнутом виде было ещё больше скреплять между собой бревна ограды сверху⁴. В других случаях брёвна тына могли скрепляться прибитыми крест-накрест тесинами: «...и тыном избу огородили, и меж тынин тёсом обили накрепко»⁵. Конструкционно изба по тюремному, вполне возможно, является прямой наследницей более раннего поруба, использовавшегося для заключения князей в эпоху Киевской Руси [6].

Заключённым таких тюрем полагались: подённый корм в несколько копеек, питьё (водка и мёд, последний мог заменяться пивом), одежда (в денежном выражении до 10 руб. в год).

Подобные сооружения в связи с тюркскими выходцами упоминаются

¹ РГАДА. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 722. Л. 6-8, 10.

² РГАДА. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 722. Л. 15-16.

³ РГАДА. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 579.

⁴ Словарь русского языка XI-XVII вв. М., 1988. С. 83.

⁵ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1635. Д. 1; 1638. Д. 4.

в источниках в целом ряде городов: Белоозере, Карголоме, Вятке, Устюге Великом, Соликамске, Галиче, Чердыне. Белоозеру среди них уделялась особая роль: его посадскому и уездному населению в обмен на снятие с них части государевых податей вменялись в обязанности строительство и содержание подобных тюрем и заключённых [5]. Они должны были из своей среды выбирать приставов к тюрьмам, по два человека с уезда и посада к каждой из них¹. При этом в их функции могли вменить обязанности отпирать и запирали городские ворота². Полагались подобным заключённым и толмачи. При этом там содержались не только татары. Так, в 1637 г. в Белоозере сидела опальная княгиня Прасковья, вдова князя Ивана Мещерского³.

Известны примеры тюремных заключений князей и мирз ногайского происхождения. Как правило, даже за такие серьёзные проступки, как попытка откочевать из-под Астрахани в Крым, их с семьями ссылали в дальние русские северные города, где они проживали в режиме домашнего ареста. А вот их людей, замешанных в этом, рассылали по тюрьмам в далёких городах. При этом тюрьмы были организованы по тому же принципу, что и места заключения Чингисидов⁴. Только попытка отъезда (бегства) за пределы России каралась заключением.

Так, Урака Тинмаметева обвинили в переписке с крымским калгой Шан-Гиреем. Речь явно шла об откочёвке к Крыму и участии мирзы в готови-

вшемся походе на Астрахань. Для этого он дважды посылал в Крым своего человека Кутея. Кутея задержали царские люди. Под пытками он признался, что Урак «государево желоване призрел» и «между великого государя и крымского царя, и калги учинил ссору». Указом от 19 июля 1625 г. его велено с очередным караваном судов взять к Москве⁵. 22 ноября 1625 г. мирзе, его жёнам и людям «указали быть на Костроме»⁶. Семью поселили на посадском дворе. Здесь же находились пристав (сын боярский), толмач и по 10–15 стрельцов. Им следовало следить за тем, чтобы опальный мирза не общался с посторонними людьми⁷.

Кутея Капчакова (Кипчакова) же после пытки послали с тем же караваном в столицу, предварительно заковав. Оттуда его отправили в тюрьму г. Галич⁸. Возможно, что словам Кутея, данным под пыткой, не особо верили, или же против Урака не было прямых доказательств. О Кутее забыли. Однако в 1640 г. он напомнил о себе, попросив о помиловании и заявив при этом, что он человек князя Петра Хан мирзина Урусова. Кутею Капчакову (Кипчакову) в это время, с его слов, было 89 (?) лет. В итоге его отпустили под Астрахань, где у него остались братья и пять сыновей⁹.

Князей Василия Урмаметева и его дядю Петра Хан мирзин Урусова обвинили в попытке отъезда летом 1628 г.

⁵ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1625. Д. 1. Л. 22.

⁶ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1625. Д. 1. Л. 27-28; Ф. 131. Оп. 1. 1626. Д. 4. Л. 15; 1628. Д. 22.

⁷ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1625. Д. 1. Л. 10, 41.

⁸ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1625. Д. 1. Л. 23, 48.

⁹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1640. Д. 5.

¹ РГАДА. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 955. Л. 1–2 об.

² РГАДА. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 834. Л. 4–4 об.

³ РГАДА. Ф. 1107. Оп. 1. 1637. Д. 754.

⁴ РГАДА. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 579.

После пытки Василия увезли в чердынскую тюрьму, а Петра – в вятскую¹.

По-видимому, архитектура подобных тюрем была широко распространена и сохранялась ещё очень долго. Известны два росписных списка г. Юрьевца Повольского 1741 и 1764 гг. В них также содержатся краткие описания тюрем. В 1741 г.: «Да чёрная тюрьма, в которой содержатца колодники, и при той тюрьме острог ветхой»². «Острог, в нём изба и печь кирпичная, во оных двои двери и при том чепь з засовом железным»³.

Особо следует отметить тот факт, что данные XVII в. однозначно говорят о том, что изба по тюремному применялась для заключения не только знати, но и лиц более простого происхождения, тех же людей ногайских мирз и князей. Это было место изоляции всех, кого по тем или иным причинам нельзя было объединять с рядовыми сидельцами городских тюремных изб. Данное наблюдение позволяет поставить ещё один вопрос: где содержались пленные ногайские и крымские мирзы, предназначенные на обмен – в общих тюрьмах или же в специальных сооружениях, возведённых поблизости? Ведь при принятии православия такой заключённый становился князем и жаловался в стольники или же дворяне по московскому списку. Так, крымский мирза (из ногаев) Сапералей Ураков был взят в плен в 1659/60 г. «за пороги». В Москве его разместили на тюремном дворе. На следующий 1660/61 г. его взяли на размен пленных. Но он не был осущест-

влён, и мирза вновь оказался в заключении до своего крещения⁴, которое произошло только в 1671/72 г., когда он стал князем Яковом и дворянином по московскому списку⁵.

В начале 1620 г., спасаясь от своих братьев, в Москве оказался малолетний юргенчский царевич Авган-Мухаммед б. Араб-Мухаммед. В июне 1624 г. на его московском дворе устроили обыск, в результате которого была обнаружена переписка с персидским шахом, Бухарой и Юргенчем, в которой упоминались «непригожие слова». Царевича не тронули, но двух его ближайших людей – дядьку (аталыка) Исенбай мирзу Авнашева сына Кайбузаманова и абыза Нефеса (Нефеска) – арестовали и пытали. Мамку Анекаю не тронули, хотя, судя по документам, именно она, скорее всего, находилась в центре авантюры. Дядьку и абыза сослали в Новгород и Сольвычегорск соответственно, где они сидели по тюрьмам до 1627/28 г., после чего были выпущены на поселение. Вернуться в Москву аталык смог только зимой 1633 г., а абыза отпустили на поруки царевича⁶. До возвращения их в столицу царевич Авган, точнее его мамка, не оставлял своих людей без внимания. Так, с разрешения Посольского приказа 27 января 1627 г. аталыку в тюрьму послано 5 руб. денег, а также верхнее и нижнее платье [2].

Типологически к рассматриваемым нами тюрьмам близки аманатские дворы в Астрахани. Эти места заключения на настоящий момент являются одной из наименее изученных тем, связан-

¹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1628. Д. 3.

² РГАДА. Ф. 248. Оп. 110. Д. 59. Л. 281.

³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 109. Д. 155. Л. 362.

⁴ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1668. Д. 22. Л. 37 об.

⁵ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1688. Д. 3. Л. 7.

⁶ РГАДА. Ф. 134. Оп. 1. 1630. Д. 1. Л. 88, 116–117, 125–127.

ных с ограничением свободы знатного тюркского населения.

Подобная практика в Астрахани появилась не ранее 1587 г. Её возникновение следует связать с деятельностью крымского царевича Мурад-Гирея, посланного на жительство в этот город осенью 1586 г. и по приказу из Москвы развившему определённую деятельность по обеспечению большей степени лояльности со стороны ногайских мирз, кочующих близ Астрахани [3]. Главы мирзинских родов отправляли в город в качестве заложников своих сыновей и младших братьев, чтобы тем самым гарантировать собственную лояльность московской воле. Но сюда же помещали и отдельных мирз за те или иные прегрешения, в частности за временную откочёвку в Крым¹. Аманаты получали подённый корм, по-видимому, в том объёме, что полагался им ещё в степи. Хотя нормы содержания захваченных на поле боя могли быть несколько ниже.

В городе было несколько аманатских дворов. По-видимому, они представляли собой огороженную территорию, на которой располагалось сразу несколько изб. Поэтому проблем с общением они не испытывали, по крайней мере те из них, кто не был захвачен в степи. Можно предположить, что основная масса заложников в дневное время могла выходить на внутренний двор, в ночное же время их запирали по избам-камерам. Сохранялась ли у заложников возможность посещать город, в настоящее время неизвестно. Не найдены пока данные о том, существовала ли практика ротации аманатов и как она происходила. Из документов из-

вестно, что один и тот же человек мог находиться в заложниках до 10 лет. Не редки были случаи, когда аманаты просили крестить их и отправить на житьё в центральную Россию. В настоящее время более изучены аманатские дворы в Сибири [4]. Можно предполагать, что в Астрахани положение аманатов было несколько легче. Хотя скученность на них была большая. На нескольких аманатских дворах одновременно могло содержаться до 100 заложников. При этом отдельные свидетельства позволяют сделать предположение, что там могли содержаться целые семьи и рождаться дети.

Приведённые выше примеры ни в коем случае нельзя назвать однотипными. Однако их объединяет один очень важный момент – для ограничения свободы подобных лиц нельзя было использовать обычные тюрьмы. Для них требовались несколько иные условия, которые, с одной стороны, должны были подчёркивать особый статус заключённых, а с другой, – позволяли организовывать более жёсткий режим изоляции при одновременно более высоком уровне комфорта по сравнению с обычными тюрьмами. Полученные нами результаты позволяют поставить вопрос о существовании в России XVI–XVII вв. сословного деления мест заключения, по крайней мере, для тюркской знати. Помимо обычных городских и монастырских тюрем следует выделить особую категорию, которой можно условно дать название «тюрьмы для тюркской знати». Прекрасно осознавая, что предложенное название несколько сужает картину рассмотренного явления, мы в то же время должны отметить, что в настоящее время только проис-

¹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1626. Д. 1. Л. 217–218.

ходит накопление фактических данных. Со временем картина может обрести дополнительными деталями и стать более сложной и многоплановой. Расширение предложенной формулировки до «тюрьмы для знати» (не обя-

зательно тюрокской) требует привлечения широкого круга дополнительных архивных данных.

Статья поступила
в редакцию 16.08.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляков А. В. Кучумовичи в России XVII в. Три поколения одной семьи // История народов России в исследованиях и документах. 2016. Вып. 7. С. 62–90.
2. Беляков А. В. Царевич Авган-Мухаммед ибн Араб-Мухаммед в России первой половины XVII в. // Тюркологический сборник 2006. М.: Восточная литература, 2007. С. 95–112.
3. Беляков А. В., Виноградов А. В. Мурад-Гирей – служилый Чингисид в России или претендент на крымский престол? // Тюркологический сборник 2011–2012. Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. М.: Наука: Восточная литература, 2013. С. 11–59.
4. Березиков Н. А. Надзор и принуждение: аманатские избы в Сибири XVII в. // Баландинские чтения. 2015. Т. 10. № 1. С. 44–46.
5. Веселовский С. Б. Белозерский край в первые годы после Смуты // Архив русской истории. 2002. Вып. 7. С. 276–296.
6. Сумин А. В. О соотношении древнерусской и церковнославянской терминологии мест лишения свободы в XI–XV вв. (по материалам русских летописей) // Перспективы и направления научных исследований по истории уголовно-исправительной системы России. М., 2018. С. 109–113.
7. Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. Казань, 2016. 764 с.

REFERENCES

1. Belyakov A. V. [Kouchoumovichi in Russia of the 17th century. Three generations of one family]. In: *Istoriya narodov Rossii v issledovaniyakh i dokumentakh* [History of the Peoples of Russia in Research and Documents], 2016, issue 7, pp. 62–90.
2. Belyakov A. V. *Tsarevich Avgan-Mukhammed ibn Arab-Mukhammed v Rossii pervoi poloviny XVII v.* [Prince Avgan-Muhammad Ibn Arab Muhammad in Russia in the first half of the 17th century]. In: *Tyurkologicheskii sbornik 2006* [Turkological Collection 2006]. Moscow, *Vostochnaya literatura* Publ., 2007, pp. 95–112.
3. Belyakov A. V., Vinogradov A. V. [Was Murad-Girey a serving Genghis in Russia or an heir for the Crimean throne?]. In: *Tyurkologicheskij sbornik 2011–2012. Politicheskaya i etnokulturnaya istoriya tyurskih narodov i gosudarstv* [Turkological Collection 2011–2012. Political and Ethno-Cultural History of Turkic Peoples and States]. Moscow, *Nauka* Publ., *Vostochnaya literatura* Publ., 2013, pp. 11–59.
4. Berezikov N. A. [Supervision and enforcement: ‘amanat cabins’ in Siberia of the 17th century]. In: *Balandinskie chteniya* [Balandinsky Readings], 2015, vol. 10, no. 1, pp. 44–46.
5. Veselovsky S. B. [Belozersky region in the first years after the Turmoil]. In: *Arkhiv russkoi istorii* [Archive of the Russian History], 2002, iss. 7, pp. 276–296.
6. Sumin A. V. [On the ratio of ancient Russian to Church Slavonic terminology of places of deprivation of liberty in the 11–15th centuries (according to Russian chronicles)]. In: *Perspektivy i napravleniya nauchnykh issledovaniy po istorii ugovolno-ispravitelnoi sistemy*

Rossii [Prospects and Directions of Research into the History of Correctional System of Russia]. Moscow, 2018, pp. 109–113.

7. Тrepавлов В. В. *Istoriya Nogaiskoi Ordy* [The History of the Nogai Horde]. Kazan, 2016. 764 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Беляков Андрей Васильевич – доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук;
e-mail: belafeb@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey V. Belyakov – Doctor of History, professor, senior researcher, The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: belafeb@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Беляков А. В. «Особые» тюрьмы для знати в России XVII века? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 4. С. 9–17. DOI: 10.18384/2310-6794-2019-4-9-17

FOR CITATION

Belyakov A. V. «Special» Prisons For Nobility in 17th Century Russia? In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2019, no. 4, pp. 9–17.
DOI: 10.18384/2310-6794-2019-4-9-17